

ГЕННАДИЙ ТАБАКОВ

**Мои охотничьи
рассказы**

Геннадий Табаков

Мои охотничьи рассказы

«Издательские решения»

Табаков Г. А.

Мои охотничьи рассказы / Г. А. Табаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747415-7

Видимо, в каждом человеке дремлет то чувство, которое все называют охотничьей страстью. У меня оно дремало недолго и проснулось ещё в раннем детстве.

ISBN 978-5-44-747415-7

© Табаков Г. А.
© Издательские решения

Содержание

Проснувшаяся страсть	6
Первая охота	8
Первый выстрел	10
Охотничья юность	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мои охотничьи рассказы

Геннадий Александрович Табаков

© Геннадий Александрович Табаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проснувшаяся страсть

Видимо в каждом человеке дремлет то чувство, которое все называют охотничьей страстью. У меня оно дремало недолго и проснулось ещё в раннем детстве, когда я все летние дни проводил в поле, куда выгонял нашу корову на пастбище. Сначала я это делал вместе со старшими братьями, а чуть повзрослев и сам пас нашу кормилицу «Зорьку». У братьев Юрия и Володи, которые были постарше меня, было старенькое воздушное ружьё или «Воздушка», как мы называли его.

Благодаря «Воздушке» длинный летний день становился удивительно коротким для нас. Что только не придумывали братья, чтобы скоротать день: проводили состязания, стреляя по нарисованным мишеням; охотились на многочисленных сусликов и воробьёв, стреляли просто по воде, поднимая высокие фонтанчики и т. д. Стреляли чугунной дробью, ржавые кучи которой отыскивали у брошенных скважин, оставленных геологоразведочной партией (ГРП).

Конечно, и я держал в руках это первое ружьё, постигая азы стрельбы по различным целям. Иногда, когда братья занимались другими играми, я заряжал ружьё дробинкой, которую надо было подобрать по размеру, так как дробь была разных диаметров и часто застревала в стволе, и крался к суслику, столбиком стоящему и периодически посвистывающему, как бы предупреждая всех сородичей о надвигающейся опасности.

Долго выцеливая, я не мог унять волнение, сладко накатывающееся откуда-то изнутри и мешающее сосредоточиться на мушке, когда же видел мушку, то исчезал, как будто расплывался в горячем воздухе, сам суслик. Произведённый хлопок выстрела казался мне пушечным, но странное дело, суслик успевал юркнуть в норку до того, как на его месте поднимался фонтанчик пыли. Это ещё больше разжигало во мне охотничий азарт, и я вновь искал подходящую жертву и начинал все сначала.

Дома же, когда братья уходили, я доставал «Воздушку», рисовал гвоздём на глиняной стене сарая круг и тренировался, набивал не только руку, но и глаз, как говорили братья, подтрунивая надо мной. Доходило до того, что стенка превращалась в сплошное месиво и осыпалась, за что от матери получал не раз затрещины. Но стрелять научился, и не раз попадал по крадущимся к голубям большим соседским котам.

Дробь котов не пробивала, но видимо им было довольно больно и мявкнув от неожиданности, они прыгали с крыши и на незначительное время забывали думать о моих любимцах. Кошки были первыми врагами всех голубятников, уж очень много было съедено ими птенцов не только у меня, такая вот натура этих домашних хищников. Особенно враждовали мы с большим серым котом нашей соседки Мариши, уж больно хитрым и коварным он был и не раз наносил нашей голубятне значительный урон.

Он следил за нами постоянно, а мы за ним. А увидев, что он лежит на излюбленном месте на лавке во дворе соседки, быстро открывалась форточка, и один из братьев прицельно стрелял по коту. Тот резко прыгал, громко крича, иногда пугая соседку так, что она вскрикивала, проклиная нечистую силу и долго крестилась. Хлопка выстрела из комнаты ей не было слышно, а тем более нашего смеха, до слез давившего нас после увиденного спектакля. Сейчас становится стыдно, вспоминая эти «шалости», за которые в настоящее время могут привлечь к ответственности за нарушение закона о защите животных, но тогда для нас был один уличный закон – закон защиты голубей.

Однажды осенью, когда началась уборка зерновых, сосед Гельмут, работающий на комбайне, рассказал, что за «Белым Камнем» неоднократно поднимал большую стаю косачей. «Белым Камнем» называлась гора, расположенная где-то километров за десять от Шемонаихи, где мы и жили в те годы. В этой горе добывали белый известняк, который после обжига превращался в известь.

Братья загорелись от такого известия и стали собираться на охоту. У нас в то время дома отец держал одноствольное ружьё «Тулку», братья из которого часто стреляли по мишеням. Решили ехать ранним утром на охоту, а весь вечер заряжали латунные патроны, засыпали туда дымный порох меркой и дробь, накатанную между двух сковородок из кусочков нарубленного свинца.

Я вертелся возле них, во все глаза рассматривая весь процесс заряжания патронов, мешая иногда им, за что заслуженно получал лёгкие «подзатыльники» и скулил. Скулил не от боли, а от обиды, что меня исключают из этого процесса подготовки, который иногда слаще самой охоты. Это я пойму потом, когда повзростею, каждый раз наслаждаясь подготовкой к очередной охоте.

А тогда, видимо, чтобы отвязаться от меня, они пообещали взять меня с собой на охоту. Никогда не забуду, как я радовался этому, лёжа вечером на кровати, представляя краснобровых тетеревов, к которым мы будем подкрадываться и стрелять по ним. Тетеревов – косачей я видел на картине, которую брат Володя нарисовал масляными красками на холсте, и она висела над моей кроватью. На ней были изображены синебокие петухи с красными бровями, дерущиеся на току из-за невзрачной серой самочки, которая находилась в сторонке и как-бы не замечала этого поединка.

Я не мог заснуть, представляя все новые и новые картины охоты, которые откуда-то появлялись в моей голове, хотя ни разу не был на охоте. Видимо рассказы самого старшего брата Михаила, который успел поохотиться в лесах Катон-Карагая во время войны, прежде чем уйти на фронт, накрепко засели у меня в мозгу, а теперь буйно рисовали всякие охотничьи сюжеты. Больше всего боялся тогда проспать.

Ещё солнце не коснулось моих глаз, как меня будто ударило молнией!

Проспал! Первое, что пришло мне в голову, увидев мать, раскатывавшую скалкой тесто для лапши. Комната была пуста, а мама успокаивающе сказала мне, что братья пожалели будить меня ранним утром, так крепко я спал, и уехали на охоту. Отец разрешил им запрячь в телегу лошадь, на которой они и укатили, получив задачу обратно привезти накошенной травы.

Не помню, как я одевался на ходу, как перескочил через высокий дощатый забор пекарни, чтобы укоротить путь и пустился догонять братьев. Бежал без остановок, а обида и слезы давили в горле, затрудняя дыхание. Мелькали знакомые места, где приходилось ходить на рыбалку, по дамбе пробежал мимо пруда на речке Березовке, а там уже и видно «Белый Камень». Время потеряло тогда значение, не знаю, сколько я бежал, а потом уже и шёл, отдыхая и дыша, как рыба, выброшенная на берег, но наконец, я увидел телегу и удивлённо смотрящих на меня братьев.

Уже сидя в телеге, я был счастлив, что догнал их и не слушал виноватые оправдания братьев. Долго мы тогда искали «косачей» по скошенным полям и логам, заросшим черёмухой, но так и не нашли. Только подняли двух чирков, переезжая речку, которые пулей исчезли вдалеке, резко поднявшись вверх, после запоздалого выстрела брата Владимира. Накосив травы, обратно ехали как на перине, не чувствовались ухабы и кочки, набившие до этого нам задницы.

Я лежал на спине и смотрел в небо, где кругами парил большой беркут, высматривая жертву и думал, как хорошо жить, когда в тебе столько много страсти, и ты не знаешь, куда её применить. Как хотелось тогда быстрее жить, чтобы повзростеть и уже самому выезжать на охоту, которая хороша, даже и без дичи.

Первая охота

Вспоминая детские годы, не могу не рассказать о тех первых охотах, участниками которых стал только благодаря моему самому старшему брату Михаилу. Жили мы тогда в Шемонаихе, районном центре в Восточном Казахстане. Брат работал машинистом паровоза и в свободное от поездок время долгими часами часто сидел за столом, снаряжая патроны порохом и дробью. В эти минуты его было не узнать, лицо его добрело и светилось какой-то радостью, как будто он перебирал руками не патроны, а какие – то драгоценности.

Глаза, с хитрым прищуром, смотрели на меня, и он рассказывал различные охотничьи прибаутки и небылицы, которые я воспринимал за «чистую монету». Часто говорил мне, что с ружьём охотиться сможет каждый, а вот без ружья – не всякий. Запомнился навсегда его рассказ об охоте на зайцев с махоркой. Я дотошно расспрашивал его обо всех подробностях этой охоты, а он, смеясь, рассказывал, что надо на заячьей тропе положить камень и насыпать на него табак (махорку). Заяц, мол, бежит по тропе и видит на камне что-то, а когда, заинтересовавшись, понюхает табак, то громко чихнув, бьётся носом об камень и падает замертво и надо только ходить, чтобы подбирать дичь. Я верил и не верил, зная шуточный нрав брата, трудно было понять, когда он шутит, а когда говорит всерьёз.

Однажды он пообещал взять меня на охоту на зайцев. Не могу передать то счастливое чувство, с которым я готовил одежду и валенки к предстоящей охоте. Вся подготовка состояла из того, что одежда укладывалась на печку для просушки. Казалось, она у меня никогда не просыхала, так как после первого снега, выпавшего всегда неожиданно, я приходил домой как «снеговик».

Рано утром брат разбудил меня, а я, ещё не веря в происходящее, не знал, за что хвататься, чтобы побыстрее одеться, лишь бы угодить ему. Быстро проглотив кусок хлеба, и выпив залпом стакан молока, я выскочил на улицу. Нетерпение было такое, что казалось, брат сильно медлит или совсем передумал идти на охоту.

Но вот, наконец, мы идём по первому снегу (пороше), который мягко поскрипывает под ногами брата, важно шагающего с ружьём за плечом, а я, как охотничья собака, то семенил рядом, то забегал далеко вперёд, поглядывая по сторонам в надежде, что нас увидит кто-нибудь из моих друзей. То, что творилось в моей душе не описать, но чувство было такое, что хотелось не идти, а бежать или лучше лететь, чтобы быстрее оказаться на месте охоты. А охотиться мы шли к старому саду, который все называли «колхозным». Летом мы пасли там своих коров по берегам речки Поперечки и лакомились мелкими яблочками-ранетками из этого сада.

Сад был заброшенным и зарос густым кустарником, но для зайцев это было излюбленным местом. Кусты акации, выросшие между яблонь, склонились к земле под тяжестью выпавшего снега, искрившегося на солнце мелким бисером, ослепляя глаза. Эта картина напоминала зимнюю сказку.

Подойдя к саду, брат проинструктировал меня, что надо делать. А надо было мне, подождав, когда Михаил обойдёт сад для засады, идти и громко кричать и стучать палкой по деревьям. От нетерпения дрожали ноги, но я стоял и ждал. Немного обидно было, что не увижу сам процесс стрельбы по зайцу, который я «прокручивал в голове» в различных вариантах, готовясь к этой охоте, но это чувство быстро затмевалось другим, азартом быстро найти зайца и выгнать его на брата.

И вот я иду, вернее, продираюсь сквозь густые заросли кустов, громко крича, не замечая падающие шапки снега мне на голову и за шиворот куртки, холодными змейками стекая по спине, набиваясь в голенища валенок. Казалось, сад был нескончаем, но увиденные свежие следы поднятого зайца подстегнули меня и я бегом рванулся по саду вдогонку. Гроном прозвучал выстрел ружья где-то совсем недалеко и я, выскочив, наконец, из зарослей, увидел брата,

державшего за длинные уши ослепительно белого зайца. Заяц был мёртв, но мне не жалко было его, ведь это был трофей, добытый с моей помощью.

Хорошо рассмотрев зайца и потрогав черные кончики его ушей, я уже рвался вперёд, чтобы найти другого зайца. Хотелось весь день ходить по заснеженным полям и лесополосам, в надежде увидеть живого зайца. И мы – ходили! Но больше зайцев не увидели, хотя следы их и попадались. Не забуду никогда вкус хлеба, который мы жевали всухомятку на привале, казалось, что вкуснее ничего на свете нет. Брат сидел на сломанном дереве и рассказывал мне о повадках зайцев, а я замороженно слушал его и гладил руками ствол ружья, мечтая о том дне, когда я сам возьму его в руки для охоты.

Он много рассказывал о своём детстве, проведённом в горах Катон-Карагая, где начинал охоту на зайцев, ставя силки в лесу, ежедневно после школы бегая проверять их. А пойманные зайцы служили хорошим подспорьем в те голодные военные годы для нашей большой семьи. Отец наш, Александр Гаврилович, всегда скупой на похвалу, говорил ему только одну фразу: «Молодец старшой!» Это было высшей наградой в семье.

По дороге домой, я шёл за братом, а заяц, перекинутый через моё плечо, как скатка от шинели, уже казался мне таким тяжёлым, как будто нашпиговали его свинцом. А когда брат снял его с меня, я, казалось, сразу стал настолько лёгким, что могу подпрыгнуть и полететь. Мир был для меня тогда таким просторным и красивым, что хотелось громко кричать, что я люблю его и вечно готов бродить и любоваться его природной красотой.

Несмотря на усталость, я шёл, и уже думал и мечтал о будущих охотах. А какое чувство гордости я испытал, идя рядом с братом по нашей улице с добытой дичью, ловя завистливые взгляды сверстников, кучкой бежавших рядом с нами до самого нашего дома.

Да! Нет ничего на свете лучше первой охоты, когда у тебя ещё впереди целая жизнь!

Первый выстрел

Однажды, когда я учился в четвёртом классе, во время зимних каникул мы с мамой приехали в гости к Михаилу. Брат жил тогда на станции Сары-Шаган, рядом с большим озером Балхаш. Он работал машинистом тепловоза. Природа там мне не понравилась, кругом одна заснеженная степь, а деревья были только в самом посёлке. И когда брат стал собираться на охоту, я удивлённо подумал, как же охотиться в пустой степи, но, тем не менее, попросил его взять меня с собой.

Утром следующего дня мы шагали с ним по направлению к озеру Балхаш. Берег озера определялся только по высоким зарослям камыша, который узкой лентой тянулся к самому горизонту, иногда круглыми островами выделяясь в белой пустыне заледеневшего озера. Вот по этим камышам мы и должны были охотиться. Михаил пояснил, что здесь можно встретить не только затаившегося зайца, но и хитрую лису, рыскавшую даже днём в поисках добычи.

Мы долго ходили вдоль камышей, но следов никаких не было, кроме цепочек мышинных следов, внезапно исчезающих под снегом. Это стало меня утомлять, и одновременно стал пропадать интерес к такой охоте. Стало понятно, почему лес в природе играет важную роль в жизни всех зверей, а когда живёшь рядом с ним, как-то этого не замечаешь. Я шёл и думал, почему природа так не справедливо распорядилась, в одних местах его слишком много, что надо вырубать для жизни, а в других совсем нет.

Видимо и брат, поняв, что дальнейшей перспективы у этой охоты не будет, решил заняться рыбалкой. Достав из рюкзака топорик, он прорубил лунку во льду, который оказался не очень толстым и рассыпался от ударов топорика на мелкие перламутровые осколки. Я заглянул в лунку, но ничего не увидел, кроме темноты. До этого я не знал, что можно рыбачить и зимой, думал, что зимой рыба спит, как спят медведи.

Михаил же, самодельной удочкой начал ловить. Маленькая медная мормышка, похожая на жучка, ярко блестела на солнце и змейкой уходила под воду. А я сидел и думал, как же рыба клюнет, если на крючке нет наживки. Рыба действительно долго не клевала, но вдруг брат резко подсек и выбросил на лёд трепыхавшегося белого окуня. Я схватил его руками и тут же бросил, уколовшись об острый плавник. Окунь внешним видом походил на нашего речного, но был без характерных черных полос, как альбинос – белый.

Моя первая зимняя рыбалка... Балхаш

Теперь насадкой на мормышке был глаз окуня, ловко выдавленный ногтем брата и насаженный на крючок. Была моя очередь ловить. Неумело и волнуясь, я опустил насадку под воду, ожидая резкой поклевки, но рыба долго не клевала. Когда же хотел вытащить мормышку из воды, начав её приподнимать, как всей рукой почувствовал рывок. Я испытал невыразимое чувство, вытаскивая сопротивляющуюся рыбу, неожиданно появившуюся в лунке и в мгновение выброшенную на лёд, где она трепетала на снегу, отражая лучики солнца. Упав на колени, я ладонями быстро накрыл её, чтобы не упала в лунку.

Да, впечатление было острее, чем от летней ловли рыбы, когда частые поклевки сглаживают азарт у любого рыбака. Это была первая рыбка, пойманная мной со льда, но запомнившаяся на всю жизнь.

Перекусив бутербродами, которые мама приготовила и настоятельно положила мне в холщовую сумку, мы стали собираться в обратный путь. Брат, видя мои косые взгляды на ружьё, снял с пояса патронташ и повесил мне его через плечо, как пулемётную ленту у храбрых моряков на картине «Взятие Зимнего Дворца». А потом, подумав, отошёл на тридцать шагов и воткнул топором топора в снег.

Зарядив ружьё, он дал его мне, объяснив предварительно, как надо целиться и нажимать на спусковой крючок. Ружьё казалось тяжёлым и дрожало в моих руках, но поймав мушкой топор, я плавно нажал на спуск. Резкий удар в плечо и грохот выстрела не дали мне чётко увидеть облачко взметнувшегося снега вокруг топора и я, потеряв равновесие, сел в рыхлый снег. Едкий запах порохового дыма запомнился навсегда, как и этот первый выстрел, навсегда вошедший в жизнь, став судьбоносным для меня из-за любви к оружию, как стал вехой в истории страны выстрел с крейсера «Аврора».

Подбежав к топору, я увидел блестящие серебром пятнышки от попавших в металл дробинок. Брат, улыбаясь, похвалил: «Молодец! Всегда попадай с первого выстрела!» Домой я шёл с гордо поднятой головой и ружьё, которое доверил мне нести брат, уже не казалось таким тяжёлым.

Мой первый выстрел...

ОХОТНИЧЬЯ ЮНОСТЬ

После окончания девятого класса и переехав с родителями жить на Северный Кавказ, я сильно скучал по покинутым местам и красивой природе Восточного Казахстана. Здесь же природа была красива только весной, когда все кругом цвело и благоухало зеленью, а под знойным летним солнцем все желтело и высыхало, только по глубоким оврагам и в лесу продолжала зеленеть жизнь.

Со временем стал привыкать и осваиваться в здешних условиях, а начав учёбу в десятом классе средней школы 1 села Александровского, которая находилась почти в центре села, я нашёл новых друзей, и моя жизнь потекла по новому руслу. Так с Виктором Некрасовым и Сергеем Калашниковым подружился из-за увлечения охотой. Сергей подарил мне Тулку – старенькую одностволку без бойка, которую я отремонтировал, и она ни разу не подвела меня на совместных охотах.

Тогда же я вступил в охотничье общество, обманув его председателя по фамилии Герман, приписав себе два года в возрасте, так хотелось скорее стать охотником. В те годы с этим было просто, все строилось на доверии, да и оружие было в свободной продаже и учитывалось только в охотничьем билете. После занятий в школе, я брал ружьё и гордо шёл по селу к лесу, чувствуя себя полноправным охотником.

Первая моя самостоятельная охота была на куропаток. Приехав на велосипеде к другу Сергею Калашникову, жившему на хуторе Дубовском, мы вдвоём пошли на охоту по окрестным полям. Искали куропаток, которых было здесь, по рассказам Сергея, несчитанное множество.

Проинструктивровав меня о порядке и правилах охоты, Сергей ушёл в сторону, и мы пошли на одной линии по полю, на котором росли редкие подсолнухи. Я шёл, как охотничий пёс, вытянув голову вперёд, надеясь как-бы учуять этих сереньких птиц, ловко и быстро бегающих в высокой траве.

Одностволка крепко сжималась мокрыми от пота руками так, что немели пальцы, а сердце, казалось, вырвется из груди от волнения и страсти, ранее неведанной мною. В голове стучала только одна мысль, как бы не промазать первым выстрелом, ведь в ружьё только один патрон.

Неожиданным взрывом впереди меня взлетела стая серых куропаток, от чего я вздрогнул и быстро вскинул ружьё, но птицы свистящим веером разлетелись в разные стороны и быстро сели в самом конце поля. Я стоял и мысленно укорял себя, что не успел поймать на мушку ни одну из этих птиц. Сергей, смеясь, подошёл ко мне и начал рассказывать о том, что надо выбрать одну птицу и прицельно стрелять по ней.

На следующем подъёме стаи, отдулетился Сергей, выбив одну куропатку, которая резко упала в траву, только пёрышки долго вертелись в воздухе, выдавая место падения птицы. В тот день я стрелял несколько раз, но безрезультатно, поняв, что без тренировки трудно попасть в этих быстрых и юрких птиц.

С охоты возвращались усталые и мокрые от пота, но мне не хотелось уходить, разгоревшийся азарт был неукротим.

На следующей охоте, я с первого выстрела убил первую в своей жизни куропатку, сказала мысленная тренировка в стрельбе по этим птицам. На протяжении недели, лёжа в постели перед сном, я мысленно ловил на мушку взлетающих куропаток, находил одну из них и стрелял. Даже во сне все повторялось вновь и вновь!

Охота увлекла настолько, что в дальнейшем, почти все свободное от занятий время, я бродил по полям, окружённым многочисленными лесополосами из колючей белой акации, в поисках зайцев, куропаток и перепелов. Особо нравилась мне охота на «валежников», так

местные охотники называли вальдшнепов из-за их любви покопаться в гнилой листве куч валежника.

Осенью, во время перелёта, этот длинноклювый лесной кулик облюбовывал для отдыха леса вокруг села, сады, лесополосы, овраги и огороды жителей окраин, где жировал в больших количествах.

Охотился я на вальдшнепа с подхода, то есть идёшь по редкому лесу, а лучше по просеке, готовый к внезапному взлёту перед собой вальдшнепа на любом участке леса, но обычно хитрая птица взлетала за спиной, когда её уже пройдёшь. Коричневая пятнистая окраска позволяла птице хорошо маскироваться, как не присматривайся, все равно сидящего вальдшнепа не увидишь.

Я быстро приноровился к этому и успевал обернуться, чтобы взять на мушку, прямолинейно летящую птицу, плавно нажимал на спуск и успевал увидеть после выстрела падающую добычу.

Долго рассматривал первого добытого вальдшнепа, ранее я не встречал такую птицу, но видел на рисунке на пачках дымного пороха «Медведь». Особо удивили большие черные пуговицы – глаза, посаженные ближе к затылку, а клюв был очень длинным и выгнутым, чтобы, видимо, удобней было доставать из-под листвы улиток, слизней и червячков.

Охота длилась пока не заканчивались патроны, а они заканчивались быстро, так было их у меня около десятка, металлические гильзы приходилось заряжать самому, а о картонных я только тогда читал.

После каждой охоты у меня на поясе болталось несколько вальдшнепов. Дома я важно отдавал их маме, а она все удивлялась, ощипав их и сварив лапшу, что от таких маленьких птичек жиру в лапше было больше, чем от большой курицы, да и вкус ни в чём не уступал куриному.

Охотился я весной и на уток, которые водились только в соседней ложине, где протекала небольшая речка со странным названием «Луценки». Вставал по темноте, надо было по полям и вязкой пашне пройти километров пять, чтобы на рассвете застать на разливах прудов стайки уток и чирков, которые после выстрела пульей исчезали в утреннем тумане. Ещё могли налететь одна, две стайки чирков, треща и посвистывая и можно было заканчивать утреннюю охоту, так как нужно было долго ждать их возвращения.

Уток, иногда, убивал, но только сидящих на воде, а по летящим «мазал», просто не было опыта в стрельбе по этим быстрым птицам, видимо неправильно делал вынос во время прицеливания. Но остались в памяти на всю жизнь те рассветы с запахом талой земли и неповторимым пением просыпающихся птиц, скорее всего жаворонков, прерываемого шелестящим свистом крыльев пролетающих сизокрылых красавцев селезней, привлечённых громким призывным кряканьем одиноких уток.

Однажды весной Сергей Калашников, живший на хуторе Дубовском, пригласил меня на двухдневную охоту на уток в долину реки Калаус. Поднявшись ранним утром на горный перевал, мы увидели большую долину, с петляющей по ней небольшой речкой, которая в считанные часы после дождей могла превратиться в бурную и неуправляемую реку, сносящую все с пути.

По этой долине проходил перелёт больших стай уток. Охота ожидалась хорошей, но, неожиданно, поднявшийся сильный ветер не давал идти вперёд, казалось, что очередной порыв поднимет тело и понесёт, как пушинку, вдоль гор по долине реки. Пришлось менять планы и возвращаться назад без трофеев, но впечатление от увиденного осталось навсегда.

Своего первого зайца убил осенью на колхозной бахче. Водились на Кавказе в основном зайцы – русаки, которые намного крупнее зайцев – беляков, виденных мной в детстве в Казахстане. Летом трудно было увидеть зайцев из-за их серой окраски, да и высокая пшеница

на полях, служила хорошим убежищем. А вот осенью после уборки зерновых поля просматривались на многие километры, что позволяло и зайцам заблаговременно увидеть охотника.

Однажды осенью долго ходил по стерне убранных полей в поисках зайцев. Поднял несколько крупных русаков, но они пулей исчезали в лесополосах, не подпуская к себе на выстрел. Яркое солнце вызывало усталость и жажду, и я решил сходить на бахчу, расположенную на бугре напротив школьного пруда. Летом бахча охранялась, но мы все равно бегали туда за первыми арбузами, работая на школьном приусадебном участке во время практики.

В эту пору бахча была убрана и не охранялась, но на ней можно было найти ещё много спелых небольших арбузов и дыnek и я, охотясь, иногда заглядывал сюда, чтобы утолить жажду красной мякотью арбуза. Идя по бахче, я почти у самых ног поднял крупного зайца, стремглав пустившегося наутёк, прижав длинные уши к спине, видимо, чтобы видеть меня.

Вскинув одностволку, прицелился по ушам, как учили опытные охотники, и нажал на спуск. Выстрела не слышал, а почувствовал только толчок в плечо и увидел, сквозь облачко порохового дыма, кувыркнувшегося зайца, тут же вскочившего и побежавшего в сторону, пьяно заноса ноги в разные стороны.

Я успел быстро перезарядить ружьё, и второй раз прицельно выстрелил в зайца и он упал замертво. Подбежав к нему и взяв зайца за уши, я почувствовал тяжесть добычи, затмевающей сразу вес всех добытых вальдшнепов и куропаток.

Вся душа моя пела от такой добычи, хотя и немного жалко было этого зайца, пришедшего на бахчу полакомиться сладким, но я быстро забыл о жалости, представляя, как похвалят меня мои родители, да и сколько лет я мечтал об этом случае, когда сам добуду дичь. Связав зайцу ноги, я перекинул его через плечо, как когда – то в детстве и пошёл счастливый домой зная, что, идя по селу, многие увидят мой первый трофей.

Много раз я потом охотился на разную дичь, но добытый первый заяц навсегда остался в моей памяти, как и все первое и важное в жизни каждого человека. Легко добытый заяц, как и другая дичь, как-то быстро забывались, долго помнилось то, что с трудом доставалось. Так, охотясь зимой, когда выпадал редкий для этих мест снег, я менял и тактику охоты на зайцев.

Серый заяц – русак неуютно чувствовал себя на ослепительно белом снегу и плотно сидел, ничем не выдавая себя и можно было пройти рядом с ним, не подняв его. Приходилось менять способ поиска, то есть начинать тропить зайца, распутывать его следы, многочисленные петли и скидки в сторону.

Сколько раз на последней скидке нервы зайца не выдерживали и он, взметнувшись, быстро убегал от охотника. Это всегда происходило неожиданно, видимо заяц видел, когда охотник смотрел вниз, распутывая оставленные ему ребусы на снегу и ослаблял внимание к окружающему миру.

А, какую досаду и сожаление испытывал при этом каждый охотник, долгое время преследующий дичь! Это невозможно описать! Но чем и хороша охота, что надежда убить дичь не умирает, а какая-то невидимая сила толкает вперёд и вперёд, даже если ноги, иногда, уже не слушаются тебя.

На привале... Геннадий Табаков, 1966 г. Александровское

Такая охота мне нравилась, работали не только ноги, но и голова, ведь надо было перехитрить зайца. Однажды, долго распутывая следы, я поднял русака и прицельно отстрелялся по нему.

По кровавому следу я определил, что у зайца перебита задняя нога, подождав, пока заяц успокоится и заляжет вновь, я пошёл преследовать его, но он близко не подпускал и вскакивал, убегая от меня. Я стрелял, но не попадал, так как дистанция была не убойной.

Так мы перемещались все дальше и дальше от дома, заяц ходил не по кругу, а убегал по прямой, но мне не хотелось бросать подранка с такой раной, зная, что он станет лёгкой добычей для многочисленных лисиц. Закончившиеся патроны не остановили моё преследование, и я шёл и шёл за зайцем, надеясь, что он истечёт кровью.

И он подпускал все ближе и ближе, а у меня сил становилось все меньше и меньше, хотелось, есть, ведь я рассчитывал к обеду вернуться домой, приходилось горшками посылать в рот мокрый снег, чтобы утолить голод и жажду.

Уже в сумерки, собрав все силы, бегом побежал за зайцем, у которого уже не было сил убегать. Перевернувшись на спину, он приготовился защищаться оставшейся задней ногой, удар которой, как серпом мог располосовать живот любой лисице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.